

выявление лучшего в людях коммуникативными тактиками констатации и похвалы, главными средствами языкового выражения которых являются положительно оценочные номены.

Ключевые слова: психологический тип человека, речевое поведение, коммуникативное поведение, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, оценка.

Korotych K. V. Female Psychological Types „Prize”, „Hostess” and „Muse”: the Features of Communicative Interaction (on the Material O. Kobylanska’s „Valse Mélancolique”)

In the article the author allocated and considered shortly the features of communicative interaction of three female-psychological types „prize”, „hostess” and „muse” (according E. Veselnitskaja and I. Kalinauskas’s classification of the psychological types). The author revealed that the psychological type „prize” subordinated itself the representative of the psychological type „hostess” the communicative tactics of criticism, offending, reproach etc, realized mainly estimated nomens, metaphors, comparisons and oppositions. The communication of the psychological type „muse” with the representatives of others types is conflictless, because such language personality uses communicative tactics of the ascertaining and the praise, focused on revealing of the best in the people, the main means of language expression which are nomens with positive estimate.

Key words: psychological type of the person, speech behavior, communicative behavior, communicative strategy, communicative tactics, estimate.

Стаття надійшла до редакції 22. 11. 2012 р.

Прийнято до друку 21. 12. 2012 р.

Рецензент – к. філол. н., доц. Должикова Т. І.

Н. К. Кравченко (Київ)

УДК 371.334(076)(100)

**НАРРАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ
В РАКУРСЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И РОЛЕВОГО
ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ГОВОРЯЩИХ**

Тема статьи определяется конституирующими, жанрообразующими особенностями, с одной стороны, нарратива и, с другой – диалогического дискурса. Использование интертекстуальных ресурсов выделяется исследователями как определяющая характеристика нарратива, который „не понятен, если мы не импортируем экстратекстуальные или интертекстуальные ресурсы” [Benwell 2006]. Дискурсивный нарратив может быть представлен в виде динамического вербального интертекстуального пространства, в котором спонтанно (с определенной

долей учета макроинтенций коммуникантов) интегрируется множество текстов. Основанием для объединения служит не столько тематическая, сколько смысловая общность „рассеянных” в социуме текстов. С этой точки зрения к нарративу применимо понятие „интердискурс”, с помощью которого обозначаются сложные конфигурации взаимодействующих дискурсов [Олешков 2010]. С другой стороны, устный нарратив (то есть повествование, „вплетенное” в диалогическую речь) становится интеракционным событием, организацию которого целесообразно рассматривать не только в ракурсе когнитивных схем, но и в аспекте достижения интеракционных задач, связанных с ролевым позиционированием рассказчика, личность которого конструируется посредством повествования как „версия себя” [Sarbin 1986].

Тема статьи – интегративное рассмотрение устного нарратива с точки зрения его интертекстуальности (как манифестации универсальных элементов повествования) и субъектности, определяющей вариативность нарратива.

Одной из конститутивных характеристик устного нарратива является интерпретативность, ситуативность и вариативность повествований от первого лица, предлагающих „различные версии и оценки участников и событий в соответствии с риторическими потребностями непосредственного контекста” [Reynolds 2003: 496 – 497]. С другой стороны, нестабильность содержательной макроструктуры повествований, определяющих одно и то же событие, „уравновешивается” каноничностью и универсальностью принципов построения нарратива, регулярностью его характеристик и категорий.

Й. Брокмейер и Р. Харре подчеркивают, что нарратив следует рассматривать как обозначение набора инструкций и норм, позволяющих интегрировать тот или иной индивидуальный случай в некий обобщенный и культурно установленный канон: „нарративы действуют как чрезвычайно изменчивые формы посредничества между личностными „моделями” и обобщенными канонами культуры, то есть являются одновременно моделями мира и моделями собственного „я” [Брокмейер 2000: 38].

„Каноничность” нарратива следует в этом случае рассматривать в двух основных аспектах:

1. Как обязательное наличие формально-упорядочивающих частей, когнитивной структурной схемы в виде *абстракта, ориентации, осложненного действия, оценки, разрешения, коды* [Labov 1972: 365 – 370]. Среди регулярных характеристик нарратива исследователями также предлагаются действие, место действия, деятель, средство, цель, проблема / затруднение / сложность как „вид дисбаланса или конфликта между пятью элементами, который порождает последующие действия, события и решения, создающие целостное, связанное повествование” [Bruner 1991: 1 – 21] и др. [Van Dijk 1975: 273 – 294; Ochs 2001: 173].

2. Как формирующие нарратив культурные и институциональные сценарии, интертекстуальные связи, позволяющие вписать предложенную модель событий в „более широкие формы понятности и системы „образования значений” [Wetherell 1998: 430]. В таком ракурсе интертекстуальность может рассматриваться, на наш взгляд, как некоторый „противовес” вариативности и ситуативности повествования, реализуя стремление (как правило, неосознанное) нарратора „узаконить” нормативность индивидуального случая, интегрировать его в некий обобщенный и культурно обусловленный канон. На первый взгляд, соположение в одном ряду понятий „интертекстуальность” и каноничность и, тем более, некоторое противопоставление интертекстуальности и вариативности может показаться необоснованным – принимая во внимание связь интертекстуальности с диалогичностью, ее „открытость” различиям благодаря внесению в текст „других голосов” [Fairclough 2003: 218]. В этом смысле интертекстуальность обычно противопоставляется в дискурсологии различным типам имплицитного значения, способствующего унификации и нивелированию различий на основе активации „разделяемого знания” коммуникантов [Fairclough 2003: 55].

В то же время в естественных нарративах диалогической речи средства интертекстуальности выполняют функцию, аналогичную той, которая приписывается пресуппозиции, импликации и другим видам неявных смыслов, то есть в определенной мере устраняют многозначность интерпретации текстов, обеспечивают согласование нарративной интерпретации событий рассказчиком с моделью мира его адресатов. Исключением служат знаки интертекстуальности (в виде прецедентных текстов и др.), которые не распознаются интерактантом, не имея для него лингвокультурологической ценности; такие средства действительно акцентируют различия, но, одновременно, снижают субъективную энтропию нарратива, уменьшая его занимательность для слушателя.

В приведенном ниже фрагменте нарратива авторская модель событий и ее взаимосогласование с ценностно-смысловой позицией читателя реализуются посредством контекстуализации повествования с текстами с аналогичными топиками (противостояние „хороших” и „плохих” подростков; утверждение собственной значимости посредством причинения несчастья окружающим – начиная с темы Герострата); текстовыми семиосферами с концептуальной дихотомией „справедливость / несправедливость”, „добро / зло”, „цинизм / порядочность” и др.); аргументами („Добро побеждает зло”, если претерпевает определенную диалектическую трансформацию, т.е. „добро должно быть с кулаками”, или: „Все значительные сражения происходят внутри нас”, или: „Ты не проигравший до тех пор, пока ты не сдался”); рекуррентными коммуникативными ситуациями – жанрами с жанрообразующими характеристиками: рассказанные события

„выпадают” из „нормальной цепочки событий”, что реализует конститутивный для нарратива принцип субъективной энтропии, запоминаемости и интересности; диалогизация с культурными макросценариями ролевого поведения („страдалец”, „борец за правду”, „Дон Кихот”, „не от мира сего”, „Наполеон”, „сверхчеловек”, „Рембо”) и др.

„Мы возвратились к балке и – о ужас! – вместо шалаша увидели в углублении только лишь дымящиеся обугленные жерди и пепел. Над пожарищем стоял, скрестив на груди руки, Восцин. „Это не я, – сказал Восцин, встретив мой взгляд. Помолчав, добавил: – Он сам рухнул”. – „Где ребята?” – спросил я. „Корнильчик расплакался, домой пошел. Павленко вслед за ним. А я решил вас подождать...” – „Мерзавец...” – тихо сказала Таня, глядя в землю. „Ты это о ком?” – двинулся на нее Восцин, но я преградил ему путь. „Отойди”, – уперся он взглядом в меня. Если не считать случая с Очеретиным, я никогда никому не наносил ударов. То был особый случай... Я стоял. „Мне жаль тебя, – сказал Восцин. – Ты только и ищешь, за кого пострадать. Есть такие чудачки...” Он толкнул меня в плечо, и я, взмахнув руками, опрокинулся в яму с тлеющими угольями и горячим пеплом”.

Таким образом, разделяемое интертекстуальное знание как формат интерпретации нарративов может быть результатом глобальной контекстуализации повествования с текстовыми семиосферами (топосами, концептами), текстами с аналогичными топиками, аргументами, системой рекуррентных коммуникативных ситуаций (жанрами), включая сопровождающие их обстоятельства и их оценку коммуникантами, конвенции межличностной коммуникации, прагматические условия занимательности, поучительности и т. д. Вместе с тем, независимо от видов интертекстуальности, основной стратегией применения (сознательного или бессознательного) интертекстуальных средств является взаимодействие (и взаимосогласование. – Н. К.) ценностно-смысловых позиций коммуникантов (Р. Барт, М. Бахтин, Ж. Деррида, Ю. Кристева и др.).

В прагматической перспективе нарратива средства интертекстуальности служат достижению триединой интеракционной задачи: а) обеспечить достоверность описаний событий нарратива, их соответствие разделяемым с интерактантом знаний об определенном нормативном порядке (законах семиосфер, жанра, коммуникативных конвенциях и др.); б) повысить кредит доверия к рассказчику; в) осмыслить описываемое событие, „вписать” нарратив в более широкие формы понятности, когда интертекстуальный формат становится ракурсом моделирования рассказчиком излагаемого события, самого себя „в этом событии” и за его рамками. Так, мы живем в „обществе, рассказывающем истории”, посредством чего мы осознаем наши жизни и события, которые в них случаются [Denzin 2002]. Личности становятся когерентными и осмысленными посредством осуществляемой ими

повествовательной работы, конструируются в разговоре и повествовании как „версии себя” [Sarbin 1986].

Одним из аспектов интертекстуальности нарратива является возможность рассказчика позиционировать себя и других в формате „базисных” нарративов (культурных сценариев, сюжетных линий, интерпретативных репертуаров, дискурсов, культурных ожиданий о типичном ходе событий”), на основе которых осуществляется выбор собственной роли: „комплексный субъект выявляется из реляционного позиционирования по отношению как к „базисным” нарративам, так и к локальному дискурсивному контексту” [Swan 2001: 403 – 427]. Практика повествования опирается на циркуляцию и трансформацию дискурсов: каждый новый рассказ ориентирован на Дискурс (имеется в виде культурный сценарий. – *Н. К.*), к которому, предположительно, имеет „доступ” слушатель и который он воссоздает и обновляет посредством деталей, характерных для конкретного рассказа и конкретного субъекта. Согласно представителям нарративного направления, повествование является особой практикой, посредством которой субъект исполняет свои роли, осознает себя; рассказывает о том, кем он является и кем хотел бы стать (ср. „личность–которой–я–могу–быть” [Riessman 2003: 7]. Например, распространенными культурными сценариями являются макроуровневый нарратив чудесной трансформации (Золушки, Гадкого утенка и др.); истории романтической любви; культурная модель „Рокки”, маскулинной силы (чаще всего используется в рассказах „успешных” мужчин). Такой подход разрабатывается, в частности, в работах Wetherell [Wetherell 1998] и получил название генеалогического или синтетического подхода. Не менее важным аспектом нарративного анализа субъектов служит определение того, насколько совместимыми являются привлекаемые культурные сценарии и ассоциированные с ними роли участников. „Совместимость” выявляется взаимными речевыми ходами, посредством которых роли („субъектные позиции”) предлагаются, принимаются или отвергаются интерактантами.

Проанализируем, в этой связи, диалог из романа Сола Беллоу „Герцог” как фрагмент воспоминаний главного героя (Мозеса Герцога) [Bellow 1970: 71 – 73].

„(...). *You feel she’s a Christian?*”

„*She feels I’m a Pharisee. She says so*”

„*Ah?*” *Edvig sharply commented*”

„*Ah, what?*” *Moses said. „You agree with her?”*”

„*How can I? I scarcely know you. But what do you think of the question?*”

„*Do you think that any Christian in the twentieth century has the right to speak of Jewish Pharisees? From a Jewish standpoint. You know, this hasn’t been one of your best period.*”

„*But do you think your wife has a Christian outlook?*”

Роли Герцога в интеракции ориентированы на макросюжетный нарратив, связанный с линиями жертвы (несправедливо обвиняемого) и разоблачения обвинителя. Роль жертвы предусматривает наличие другой стороны, от которой страдает жертва, то есть имплицирование роли обидчика. Соответственно, от интерактанта (своего психиатра) героем ожидается ролевое поведение, опирающееся на понимание этих макросценариев (поддержку собеседника, опровержение выдвинутых против него обвинений в фарисействе и др.). В то же время, речевое поведение доктора Эдвиги осуществляется в формате других макросюжетных линий. Он не собирается ни опровергать слова жены Герцога, ни вступать в дискуссию. Его „макронарратив” (в формате которого он „выстраивает” свои коммуникативные роли) – линия поведения „опытного психиатра”, беспристрастного аналитика, который собирает данные про своего пациента Герцога и его ближайшее окружение. Таким образом, каждый из собеседников находится в „плёну” собственной сюжетной линии и ассоциированных с ней ролевых позиций. Несовместимость макросюжетных линий ведет к коммуникативным сложностям и требует либо смены ролей (и, соответственно, изменения дальнейшего хода интеракции), либо прекращения диалога. Вывод о том, что собеседники находятся в состоянии коммуникативной конфронтации, подтверждается внутренней речью главного героя, комментирующей происходящее. Так, Мозес Герцог размещает ролевое поведение доктора Эдвиги в макросценарии „жертва необыкновенной женщины” (жены Герцога Маделин). Эта линия, опровергающая линию саморепрезентации доктора как „опытного психиатра”, „аналитика”, устанавливается посредством анализа Герцогом речевого поведения доктора, который в процессе этого и других диалогов неизменно возвращается к вопросам, связанным с женой своего пациента.

Таким образом, материал статьи позволил установить и описать взаимосвязи между содержательно-конститутивными и интеракционными характеристиками нарратива, манифестированные, соответственно, интертекстуальностью повествования и ролевым позиционированием рассказчика.

Перспективой дальнейших исследований может служить анализ установленных взаимосвязей в различных нарративных жанрах.

Литература

Брокмейер 2000 – **Брокмейер Й.** Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // *Вопр. философии.* – 2000. – № 3. – С. 29 – 42; **Олешков 2010** – Олешков М. Ю. *Дискурс и текст: нарративная интеграция смыслов* / М. Ю. Олешков // *Дискурс, текст, когниция : кол. монография / отв. ред. М. Ю. Олешков.* – Нижний Тагил : НТГСПА, 2010. – 496 с.; **Bellow 1970** – Bellow S. Herzog / S. Bellow. – New York : Fowcett Crest Book, 1970. – 416 p.; **Benwell 2006** –

Benwell B. Discourse and Identity / B. Benwell, E. Stokoe. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 314 p.; **Bruner 1991** – Bruner J. S. The Narrative Construction of Reality / J. S. Bruner // Critical Inquiry. – 1991. – Vol. 18. – P. 1 – 21; **Denzin 2002** – Denzin N.K. Interpretive Interactionism / N. K. Denzin // Applied Social Research Methods Series. – 2nd Ed. – 2002. – Vol. 16. – London : Sage. – 187 p.; **Fairclough 2003** – Fairclough N. Textual analysis for social research / N. Fairclough. – New York : Routledge, 2003. – 270 p.; **Labov 1972** – Labov W. Language in the Inner City: Studies in the Black English / W. Labov. – Vernacular Philadelphia University of Pennsylvania Press, 1972. – 412 p.; **Ochs 2001** – Ochs E. Living Narrative: Creating Lives in Everyday Storytelling / E. Ochs, L. Capps. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2001. – 352 p.; **Reynolds 2003** – Reynolds J. The discursive climate of singleness: The consequences of woman's negotiation of a single identity / Jill Reynolds, Margaret Wetherell // Feminism & Psychology. – 2003. – Vol. 13. – P. 489 – 510; **Riessman 2003** – Riessman C. K. „Performing identities in illness narrative: Masculinity and multiple sclerosis” / C. K. Riessman // Qualitative Research. – 2003. – № 3. – P. 5 – 33; **Sarbin 1986** – Sarbin T. Narrative psychology. The storied nature of human conduct / T. Sarbin. – New York, 1986. – 303 p.; **Swan 2001** – Swan D. Positioning as a means of understanding the narrative construction of self: A story of lesbian escorting / D. Swan, C. Linehan // Narrative Inquiry. – 2001. – № 10. – P. 403 – 427; **Van Dijk 1975** – Van Dijk T. A. Action, Action Description, and Narrative / T. A. Van Dijk // New Literary History. – 1975. – № 6. – P. 273 – 294; **Wetherell 1998** – Wetherell M. Positioning and interpretative repertoires: Conversation analysis and post-structuralism in dialogue / M. Wetherell // Discourse and Society. – 1998. – Vol. 9. – P. 387 – 412;

Кравченко Н. К. Наративні структури діалогічного мовлення в ракурсі інтертекстуальності й рольового позиціонування мовців

Статтю присвячено констатувальним, жанростворювальним особливостям наративу та діалогічного дискурсу. Дискурсивний наратив розглянуто як динамічний вербальний інтертекстуальний простір, у якому спонтанно інтегровано багато текстів. Досліджено категорії інтертекстуальності (як маніфестації універсальних елементів оповідання) й наративного конструювання оповідачем власної ідентичності та встановлено взаємозв'язок цих характеристик наративу в ракурсі визначення кореляцій між структурним та інтеракційним рівнями усної нарації.

Ключові слова: інтертекстуальність, рольове позиціонування, наративні структури, інтеракційний.

Кравченко Н. К. Нарративные структуры диалогической речи в ракурсе интертекстуальности и ролевого позиционирования говорящих

Статья посвящена конституирующим, жанрообразующим особенностям нарратива и диалогического дискурса. Дискурсивный нарратив рассматривается в виде динамического вербального интертекстуального пространства, в котором спонтанно интегрируется множество текстов. Исследуются категории интертекстуальности (как манифестации универсальных элементов повествования) и нарративного конструирования рассказчиком собственной идентичности и устанавливает взаимосвязь этих характеристик нарратива в ракурсе выявления корреляции между структурным и интеракционным уровнями устной наррации.

Ключевые слова: интертекстуальность, ролевое позиционирование, нарративные структуры, интеракционный.

Kravchenko N. K. Narrative Structures of Dialogical Speech in Researching the Intertextuality and Role Positioning of the Speakers

The article deals with constitutive, genre-forming peculiarities of narrative and dialogic discourse. The discursive narrative is analyzed as a dynamic verbal intertextual space in which many texts integrate spontaneously. The article explores the concepts of intertextuality (as manifestation of universal elements of the narrative) and narrative construction of self and establishes their interrelations for the purpose of revealing the connection between the structural and interactional levels of the oral narration.

Key words: intertextuality, role positioning, narrative structures, interactional.

Стаття надійшла до редакції 08. 11. 2012 р.

Прийнято до друку 21. 12. 2012 р.

Рецензент – д-р філол. н., проф. Глуховцева К. Д.

І. В. Лосєва (Львів)

УДК 81'42:82-92

ПОЛІТИЧНА ПОЛЕМІКА ЯК ЖАНР, НАРАТИВ, ДИСКУРС

Актуальність дослідження політичної полеміки як жанру, нарративу й дискурсу зумовлено й продиктовано самою специфікою об'єкта дослідження. Політична полеміка, репрезентуючи собою одне ціле, складовими елементами якого є публіцистичний жанр, політичний нарратив і політичний дискурс, стала об'єктом дослідження багатьох лінгвістів, публіцистів та політологів, серед яких В. Горохов, А. Алтунян, В. Герасимов, В. Дем'янков, І. Пославський, В. Полохало, О. Грищенко, В. Шкляр, Н. Кондратенко, Є. Опаріна, Є. Попова, Є. Шейгал, О. Кірілов,